

Введение

Философия суть направленный на осмысление мира как мира целостного всеобъемлющий и непрерывный процесс философствования, и как таковая является важной интеллектуальной и жизненной необходимостью. Мы живем в постоянно усложняющемся вследствие глобализации мире, и именно философия, постоянно аккумулируя в себя результаты развития наук, является адекватным методом познания этой сложности, способом включения человека в процессы глобализации, определения его места и роли в новом мире.

Сейчас очень интенсивно развивается применение философских и общенаучных концепций комплексности и всевозможных кибернетических моделей, результаты исследования хаотических систем используются при решении социальных проблем. Дело в том, что хаос является фундаментальной характеристикой мира вообще, и мира социального в частности. И. Пригожин и И. Стенгерс пишут: „Все системы, подверженные вероятностному описанию, мы обозначаем по определению как хаотические“ (Prigogine, Stengers 1993: 15). Безусловно, что социальные системы попадают под это определение, ибо допускают лишь вероятностное описание. Системообразующая работа механизма хаоса наиболее ярко проявляется в пределах особых периодов в развитии обществ-периодов переходных, когда имеет место бифуркационный перелом, генерируются новые структуры.

Применительно к функционированию и развитию социальных систем хаотическая бифуркация выступает как относительно самостоятельное сложное состояние единства потенциальной и актуализованной реальности, как зона перехода – зона бифуркации. В этой зоне накладываются друг на друга процессы разрастания и сворачивания сложности, хаотизации и возникновения нового социального порядка. Зона бифуркации охватывает характеризующейся структурной нестабильностью переходный период состояния трансформирующейся социальной системы. Поэтому именно исследование переходных обществ в контексте преобразований социальных систем и в конкретике протекающих в них социально-культурных процессов позволит определить сферу применения основных положений теории хаоса и выявить особенности проявления моделируемых этой теорией закономерностей.

Изучение закономерностей и механизмов развития обществ ни войны ни мира“ позволяет показать диалектику стабильности и дестабилизации волновых и циклических социальных процессов, происходящих в них, выработать практические рекомендации по управлению их дестабилизирующими воздействиями на мировую систему (Мкртчян 2007). В этом контексте интересный исследовательский материал являют собой эволюционные социальные процессы, происходящие в обществах стран Закавказья.

Проблемы демократизации в условиях „обществ ни войны ни мира“

Демократизация общественной жизни в странах Закавказья затруднена вызванными локальными войнами обстоятельствами. Начавшийся после развала СССР трансформационный период затруднен вооруженными конфликтами (грузино-осетинский, карабахский конфликты). Оказавшись в результате неурегулированных вооруженных конфликтов в состоянии „ни войны ни мира“, закавказские страны „застряли“ в зоне бифуркации. В этом отношении концепция „обществ ни войны ни мира“ является социологическим диагнозом состояния общественной жизни в странах Закавказья. Войны как таковые не закончены, но действует перемирие. Закавказские общества, с одной стороны, сохраняют относительно высокий уровень милитаризации, с другой – преодолели императивы чрезвычайного военного положения и пытаются решать мирные проблемы социально-экономического развития, официально провозгласив курс на демократизацию страны. В этом особенность их трансформации.

Анализ трансформационного опыта становления государственности в закавказских „обществ ни войны ни мира“ выявляет ряд характерных проблем, свойственных всем „обществам ни войны ни мира“, каковыми являются по существу многие страны Азии, Африки и Латинской Америки (ярким примером выступает Израиль). Именно поэтому

изучение происходящих в закавказском регионе процессов и разработка механизмов решения региональных проблем соответствует всеобщему интересу и позволит ответить на вопрос о том, как реализовать курс на демократизацию страны, чтобы принцип „ни войны ни мира“ не стал непреодолимым препятствием.

„Общества ни войны, ни мира“, согласно Л. Арутюнян, „возникают при наличии замороженных или латентных конфликтов, ранее имевших форму вооруженного противостояния. Характерным для таких обществ является то, что при отсутствии прямого вооруженного насилия, присутствует постоянная напряженность в отношениях конфликтующих сторон, готовая в любой момент вылиться в насилие и вооруженный конфликт“ (Арутюнян 2007). „Общества ни войны ни мира“ - это иерархические системы с единственным выражающим власть господствующей элиты силовым центром, представляющим собой целостный военно-бюрократический аппарат, как правило возглавляемый лидером (Василькова 1999: 271). Одной из основных функций этого аппарата является борьба с присущим таким обществам феноменом экстремальной неравновесности, которая есть следствие наличия в системе сильной разнородности, порожденной ее нелинейностью. Подавляя различные проявления неоднородности, не допуская политическую оппозицию и идеологические флуктуации в центр системы, аппарат в то же время стремится к установлению государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. Складывается авторитарный режим правления с соответствующей идеологией, отличающейся простотой коммуникативных схем и социальных установок.

В результате, в закавказских обществах с их якобы рыночной моделью организации не созданы условия для эффективного функционирования горизонтальных отношений между субъектами. Переход от превалирования вертикальных связей к превалированию горизонтальных не состоялся. Выражаясь словами В.Васильковой, „для укрепления своего властного влияния централизованное государство с особой тщательностью выстраивает систему *вертикальных связей*, которые доминируют над горизонтальными и подчиняют их себе“ (Василькова 1999: 272). Имеет место бюрократизация, появляется множество разного рода предписаний, ограничений и запретов во всех сферах деятельности, осуществляется тотальная регламентация порядка, препятствующая, в числе прочего, и становлению рыночной экономики. Но такие ограничения не оставляют места для „неуставной“ социальной инициативы и поэтому сильно тормозят темпы развития системы. Ведь в результате такого установления единообразного порядка нарушается оптимальное для социальной системы соотношение координационной и субординационной деятельности.

В „обществах ни войны ни мира“ происходит растворение специфики горизонтальной структуры в вертикальной, что находит свое выражение в необоснованных распоряжениях „сверху“, попытках жестко контролировать деятельность органов местной власти через институт полномочных представителей. Зачастую отсутствует прямая непосредственная связь между регионами. Все идет через „центр“, и насаждается коммуникативная система передачи кодированного с использованием символически генерализированного медиума „власть“ сигнала из центра напрямую, что делает процесс передачи максимально контролируемым и управляемым. С другой стороны, в ряде сфер социальной деятельности дела пущены на самотек. В результате социальные отношения деформируются, трансформируясь в тип коррозионных, подтачивающих основу деятельности и препятствующих ее нормальному ходу.

Можно констатировать, что состояние „ни войны ни мира“ требует очень больших ресурсных затрат, что является своего рода признаком „энергетического угасания“ системы. Для поддержания порядка в обществе применяется прямое насилие, и основанная на этом насилии политика становится доминирующим средством упорядочения социальных отношений. А такая политизация „общества ни войны ни мира“ неизбежно сопровождается его *милитаризацией*, внешняя функция которой связана с потребностью данного типа общественной системы в ее новом ресурсном пополнении (Василькова 1999:

274)., в то время как в контексте внутренней самоорганизации общества „под милитаризацией понимается ... переструктурирование социальных отношений согласно внутриармейской иерархии и вследствие этого проникновение специфики внутриармейских отношений в мельчайшие капилляры „штатской“ жизни, включая культуру и быт“ (Василькова 1999: 275).

В качестве доступных для социологического исследования социальных индикаторов такого проникновения могут быть приведены:

1. Попытки властей опробованными на войне способами решать мирные проблемы. Построение социальных отношений в обществе по армейскому принципу „команда и безоговорочное исполнение“, когда всякое „неподчинение“ наказуемо либо формально-административными, либо неформально-„воровскими“ методами. Причем засилье воровской культуры в обществе во многом зависит от ее артикуляции в армии, и наоборот.
2. Постоянная актуализация в коммуникативной памяти воспоминаний о войне. В обиходе и в СМИ широко используются военные терминологии.
3. Армия становится ареной использования даровой рабочей силы солдат.
4. Патриотическое воспитание детей в школах имеет однозначно военную направленность, делаются попытки ввести школьную униформу.
5. В обществе распространяется мода на военную одежду.

Такие социальные характеристики формируются в соответствии с объективными условиями „обществ ни войны ни мира“, которым необходимо присущи обостренные ожидания возможных военно-мобилизационных задач, ибо „объективный ход спонтанных процессов заставляет эти общества застыть на этапе военно-мобилизационной готовности...“ (Арутюнян 2006: 545-546). *Мобилизуемость* становится отличительным атрибутом „обществ ни войны ни мира“, и развитие их в направлении демократизации осуществляется в сторону утверждения не партиципационной, а мобилизационной демократии, институты которой формируются с учетом именно военно-мобилизационных ожиданий. К тому же, и глобализация действует наперекор принципам местного самоуправления и демократической подотчетности, снижая уровень социального доверия в новые демократические институты. А в странах с небольшим социальным капиталом получает широкое распространение коррупция среди правительственных чиновников, из-за чего вся система государственного управления работает неэффективно.

Свойственные „обществам ни войны ни мира“ принципы управления препятствуют становлению гражданского общества. В „обществах ни войны ни мира“ институт *общественного мнения* действует в режиме хаоса и характеризуется большой мобильностью. Ему, согласно Л. Арутюнян, присущи: „чуткая реакция общества на сигналы войны и мира, распространенность мифов и когнитивных штампов, высокий уровень интолерантности, активно формируемые образы врагов, ответственных за все тяготы жизни...“ (Арутюнян 2006). В связи с этим все попытки противостоять мифам при помощи рациональных подходов – были неэффективны. Ведь в основе мифов находится иррациональное ядро, которое заранее предвосхищает результат своего воздействия, поскольку в какой-то мере, часто на уровне архетипа, отражает чаяния и настроение масс. А настроение масс в „обществах ни войны ни мира“ обусловлено тем, что она была отчуждена от системы, от власти, от принятия политических решений. Сами мифы материализуются, в том числе в лозунгах, и делятся на две категории – привлекающие («с нами мир и блестящее будущее») и пугающие («с ними неизбежна война») соответственно.

Дальнейшее социальное развитие в регионе невозможно без доверия друг к другу. А для этого необходимо решить проблему восприятия «чужого» в регионе, который не должен восприниматься в качестве «врага». Но стороны не доверяют никому, ибо сложившиеся в „обществах ни войны ни мира“ жизненные условия не способствуют укреплению взаимодоверия и установлению дружеских отношений между странами региона. *Кризисность* как атрибут „обществ ни войны ни мира“ понижает степень

всеобщего доверия людей друг к другу. При этом ясно, что наряду с трудностями переходного периода решающую роль тут играет и усиление пессимистического взгляда на мир, обусловленное войной и сложившейся геополитической ситуацией.

В то же время тенденции мирового развития вынуждают нас к региональной интеграции, через которую лежит путь к интеграции в мировое общество. Возникает противоречие, которое можно решить только лишь общими усилиями всех наций и народов, проживающих в регионе. Только путем реального сотрудничества и взаимопомощи можно укоренить в сознании людей идеалы общечеловеческой солидарности, добрососедства и культуры мира, обеспечить народам региона равные шансы на развитие как в национальном, так и в международном контексте.

Для решения этой проблемы необходимо рассматривать бессистемность трансформационных преобразований в регионе в качестве важной внутренней причины ксенофобии и неблагоприятную геополитическую ситуацию в качестве внешней причины. Для достижения необходимого уровня доверия в межрегиональных отношениях надо также решить задачи по установлению взаимодоверительных отношений внутри страны. Согласие и мир с соседями суть производные от справедливости и сплоченности в своем собственном доме.

Заключение

Доверие суть основа социальной солидарности, а если в обществе нет социальной солидарности, если гражданин не идентифицирует себя с государством, то под угрозой находится национальная безопасность страны. Развитие демократии в „обществах ни войны ни мира“ осуществляется в сторону утверждения институтов мобилизационной демократии. А подлинные демократические перспективы для „обществ ни войны ни мира“ неразрывно связаны с „формированием соответствующей национальной идентичности“ (Мкртчян А., 2007: 577-581). и с заменой старых призванных „работать на войну“ общественных институтов новыми, способствующими формированию у граждан демократического склада и образа мысли. Разработка теоретической модели реализации этой замены имеет также и большое практическое значение для всего человечества, ибо установление новых демократических параметров порядка в обществах подобного типа снизит уровень напряженности во всей мировой системе, поможет одолеть международный терроризм, который в качестве социального явления находит в этих обществах благоприятную среду распространения.